

Ю Р И Й С Л Ё З К И Н
ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА
САГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

издательство аст
Москва

10. ОТВЕТСТВЕННЫЕ КВАРТИРОСЪЕМЩИКИ

Весной 1931 года руководители социалистического строительства начали въезжать в свой новый — вечный — дом. Квартиры распределялись между членами ЦК партии, ЦИК Союза, ВЦИК РСФСР, Исполкома Коминтерна, союзных и республиканских наркоматов, Центральной контрольной комиссии, Рабоче-крестьянской инспекции, ВСНХ, ВЦСПС, ОГПУ, МК, Моссовета, Госплана, Профинтерна, Института Ленина, Общества старых большевиков, редакции «Известий», семей павших героев и «административно-техническим персоналом Дома правительства». Квартиры различались по размеру и статусу: самые большие и престижные выходили на реку, Кремль и храм Христа Спасителя (подъезды № 1 и 12). Большинство ответственных квартиросъемщиков занимали должности, дававшие право на «дополнительную жилплощадь». После 1930 года все государственные учреждения составляли списки таких должностей. Не все ответственные работники, имевшие право на дополнительную жилплощадь, могли претендовать на квартиру в Доме правительства. Номенклатурные должности давали их обладателям (и неопределенному количеству родственников) право доступа к определенному спектру товаров и услуг. Любое перемещение внутри партийной и государственной иерархии влекло за собой ряд других перемещений, в том числе из одной квартиры в другую¹.

Аркадий Розенгольц, один из руководителей вооруженного восстания в Москве, а ныне нарком внешней торговли, умевший «проникать сквозь стены» (и отличавшийся, по словам его племянницы, «угрюмым и мрачным» характером), въехал в большую квартиру на одиннадцатом этаже, с длинным балконом и видом на реку (кв. 237 в двенадцатом подъезде). Его первая жена и их двое детей остались в Пятом Доме Советов на улице Грановского. Новая семья состояла из брата, жены, двух дочерей 1932 и 1934 года рождения, матери и брата жены, сестры Евы (художницы, которая недавно развелась с мужем, журналистом из «Правды» Борисом Левиным), ее дочери Елены, рожденной в 1928 году, и домработницы Дуняши².

Соученица Евы по ВХУТЕМАСу Мария Денисова и ее «пролетарский» муж, член ЦКК Ефим Щаденко, получили две квартиры: одну большую, в первом подъезде на шестом этаже (кв. 10), с видом на реку, и одну маленькую (видимо предназначенную для ее студии) в противоположном конце дома (кв. 505 в 25-м подъезде).

Розенгольц со второй женой и одной из их дочерей

По свидетельству соседей, Мария чаще бывала в первой, а Ефим во второй. В декабре 1928 года Мария написала Маяковскому, что вернулась к мужу, потому что он грозил, что застрелится. В мае 1930 года, спустя три недели после самоубийства Маяковского, ей поставили диагноз «психопатия с шизофреническими и циклическими чертами»³.

Помощник Розенгольца во время московского восстания и председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) Александр Аросев тоже получил две квартиры: четырехкомнатную для его трех дочерей, няни и «воспитательницы» (кв. 104 в пятом подъезде) и однокомнатную на том же (десятом) эта-

Ева Левина-Розенгольц с дочерью Еленой

Мария Денисова за работой над бюстом Ефима Щаденко

Александр Аросев

же для жены и сына Дмитрия (1934 г. р.). В год переезда он начал писать «большую вещь отчасти по воспоминаниям, отчасти по записанным материалам, как в революционной борьбе сначала нелегальной, а потом легальной и государственной то сходятся, то расходятся нити человеческих связей, симпатий, дружбы и любви. Как сами люди то втягиваются в революционное движение, то отталкиваются от него и как это самое есть, в сущности, только узор на основной канве величайшей классовой борьбы, которая в нашей стране разгорелась таким «великим мятежом». Роман должен был состоять из «картин этого мятежа, как картин бегущей реки, то под землей, в подполье, то на поверхности, как мы сейчас»⁴.

Старый товарищ Аросева, а ныне один из руководителей Коминтерна,

«молчаливый» Осип Пятницкий, въехал в пятикомнатную квартиру (кв. 400) с женой Юлией, двумя сыновьями (которым в 1931-м исполнилось шесть и десять) и отцом Юлии, бывшим священником, с его новой женой и дочерью⁵.

Другой малоразговорчивый ветеран московского восстания, председатель Главконцесскома при Совнаркоме СССР Валентин Трифонов, въехал в четырехкомнатную квартиру (кв. 137 в седьмом подъезде) с женой Евгенией (инженером-экономистом в наркомате земледелия), их детьми Юрием (1925) и Татьяной (1927), матерью Евгении и бывшей женой Валентина Татьяной Словатинской, чувашским мальчиком по прозвищу Ундик, которого Словатинская усыновила во время голода в Поволжье, и домработницей⁶.

Друг Трифоновых и теоретик семьи как «маленькой коммунистической ячейки», Арон Сольц, въехал в квартиру 393 с сестрой Эсфирью, приемным сыном Евгением и племянницей Анной, которая недавно развелась с мужем, Исааком Зеленским (Арон и Эсфирь познакомились с ним в сибирской ссылке в 1912-м). В 1931 году Зеленского перевели из Ташкента, где он был секретарем Средазбюро, в Москву, где он стал председателем Центросоюза. Он въехал в квартиру 54 с новой женой, дочерью и детьми Анны, Еленой и Андреем (названным в честь одной из партийных кличек Сольца)⁷.

Соавтор Сольца, коллега по Верховному суду и единомышленник в вопросе переустройства семьи, Яков Бранденбургский, въехал в квартиру 25 с женой Анной (с которой познакомился в Балте, где оба выросли) и дочерью Эльзой (1913 г. р.). В июле 1929 года Бранденбургский был временно освобожден от работы в области семейного права и направлен на коллективизацию в Саратов (в качестве члена Нижневолжского краевого комитета партии и заместителя председателя Нижневолжского крайисполкома). В марте 1931 года его уволили за головокружение от успехов и перевели в Наркомтруд. В 1934 году, после нескольких месяцев в Кремлевской больнице, он был назначен членом Верховного суда⁸.

Яков и Анна Бранденбургские

Тема распада семьи стала в конце 1920-х главной для Александра Серафимовича, который въехал в квартиру 82 с женой Феклой Родионовной, сыном от первого брака Игорем Поповым, женой сына Александрой Монюшко и внучкой Искрой. После выхода «Железного потока» Серафимович начал роман о многоквартирном доме («Дом № 93»). Согласно плану одной из глав: «Семья разрушается: Сергей... и Ольга Яковлевна, 2) Паня и Сахаров, 3) Петр Иванович Пучков — он держит себя в руках, плачет, 4) как-то сидят и перебирают всех знакомых — в большинстве мужья меняют жен; изредка жены мужей». В 1930 году первая жена Серафимовича умерла в психиатрической лечебнице. В 1931-м он оставил книгу о доме ради романа о коллективизации. В январе 1933-го, накануне его семидесятилетия, ему позвонил наркомвоенмор Ворошилов и сказал, что члены правительства решили переименовать в его честь город Новочеркасск. Серафимович, по его собственному рассказу, ответил, что предпочел бы родную станицу Усть-Медведицкую. Ворошилов сказал,

Серафимович с внучкой Искрой

Керженцев с дочерью Натальей

что ему полагается город, а не станица, но вскоре перезвонил и сказал, что проблема решена: Усть-Медведицкую переквалифицируют в город, а потом переименуют. Тогда же была переименована Всехсвятская улица, служившая восточной границей Дома и соединявшая Большой Каменный мост с Малым. У Дома правительства появился новый почтовый адрес: «ул. Серафимовича, 2»⁹.

Главный союзник Серафимовича в борьбе за пролетарскую литературу против «воронщины», Платон Керженцев, въехал в пятикомнатную квартиру на десятом этаже (кв. 206 в десятом подъезде) со второй женой Марией, дочерью Натальей (1925 г. р.) и домработницей Агафьей. Платон и Мария познакомились в Стокгольме, где он был советским полпредом, а она секретарем Александры Коллонтай. Со временем он стал главным теоретиком «чувства времени», а также полпредом в Италии (где родилась Наталья), председателем редакционного совета ОГИЗа, заместителем управляющего Центрального статистического управления (под началом Осинского), директором Института литературы, искусства и языка Коммунистической академии и заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК (в каком-то качестве помог сместить Воронского, а потом разрешил публикацию его воспоминаний). Незадолго до переезда он был назначен управляющим делами Совнаркома СССР¹⁰.

У Керженцева было большое сердце, и примерно в 1935 году (вскоре после того, как он возглавил Радиокomiteт) семья переехала в квартиру 197 на третьем этаже. Их соседями по лестничной клетке (в пятикомнатной квартире 198) были старый большевик и предшественник Керженцева во главе Радиокomiteта, Феликс Кон, которому недавно исполнилось семьдесят лет, и его семидесятисемилетняя жена Христина (Кристина, или Хася) Гринберг. (Христианой она стала в сибирской ссылке, когда перешла в православие, чтобы официально оформить брак с Коном.) Кона назначили заведующим Музейным отделом Наркомпроса¹¹.

Дочь Кона и Гринберг Елена Усиевич (рожденная в Сибири в 1893 году) поселилась в том же подъезде на первом этаже, в квартире 194. Елена и ее дочь Искра-Марина

(1926 г. р.) жили в одной квартире со старым большевиком Марком Абрамовичем Брагинским и его женой (Елена, Искра-Марина и их няня и домработница жили в трех комнатах, Брагинские — в двух, а домработница Брагинских — в коридоре). «Ни маме, ни бабушке с дедушкой не пришло в голову, — вспоминала Искра-Марина много лет спустя, — что, может, нам лучше жить с ними, чем с чужими стариками». (Дети Брагинских жили в другом подъезде.) Елена и ее первый муж, Григорий Усиевич, вернулись в Россию из Швейцарии в ленинском пломбированном вагоне в апреле 1917 года. После смерти Григория на Гражданской войне Елена работала в ВЧК, в ВСНХ у Ларина и в крымском Главреперткоме (театральной цензуре), а в 1932 году окончила Институт Красной профессуры. Ее второй муж, дальневосточный большевик, а позже второй секретарь Крымского обкома Александр Таксер (отец Искры-Марины) умер в 1931 году, вскоре после переезда в Дом правительства. Первый ребенок Елены (сын Григория) умер в 1934-м в квартире бабушки с дедушкой в возрасте семнадцати лет. К тому времени Елена стала известным литературным критиком, видным борцом с РАППом и заместителем директора Института литературы и искусства Коммунистической академии (при преемнике Керженцева, Луначарском)¹².

Ближайшим другом и коллегой Елены Усиевич был литературный секретарь Луначарского и брат его второй жены, Игорь Сац. Его племянница, директор Центрального детского театра Наталия Сац, въехала в квартиру 159 в 1935 году, после того как вышла замуж за наркома внутренней торговли Израиля Вейцера. Покровитель, почитатель и танцевальный партнер Наталии Михаил Кольцов жил по соседству, в большой четырехкомнатной квартире на восьмом этаже (кв. 143). Оставаясь формально женатым на Елизавете Ратмановой, он в 1932 году сошелся с немецкой писательницей и журналисткой Марией Грессхёнер (которая поменяла фамилию на «Остен» и порвала со своей «буржуазной» семьей после переезда в СССР в возрасте двадцати четырех лет)¹³.

Один из ближайших сотрудников Кольцова, председатель ОГИЗа Артемий Халатов, въехал в большую шестикомнатную квартиру на седьмом этаже двенадцатого подъезда (на четыре этажа ниже Розенгольца). Его семья состояла из матери (заведующей книжным фондом Ленинской библиотеки), жены (художника-графика), двоюродной сестры (актрисы МХАТа), дочери Светланы (рожденной в 1926 году, после Светланы Сталиной, Светланы Бухариной и Светланы Осинской, но до Светланы Молотовой) и домработницы Шуры. Халатов, которому на момент переезда было тридцать пять лет, славился длинными волосами, окладистой бородой и кавказской папашой, которую почти никогда не снимал. Прежде чем возглавить национализацию и централизацию издательского дела, он занимался снабжением в Москве во время

Елена Усиевич

Артемий Халатов и его жена Татьяна

военного коммунизма, заведовал Центральной комиссией по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), основал Государственный театр детской книги (имени А. Б. Халатова) и, в качестве главы Нарпита («Долой кухонное рабство! Да здравствует общественное питание!»), вдохновил «Зависть» Юрия Олеши¹⁴.

Одна из сотрудниц Халатова в ОГИЗе, Клавдия Тимофеевна Свердлова (Новгородцева), возглавляла отделы детской литературы и школьных учебников. В 1932 году ее сын Андрей женился на Нине Подвойской и стал частью клана Подвойских-Дидрикиль, чья штаб-квартира находилась в № 280, где проживали Подвойские-старшие, их дочери (сначала три, потом одна) и, наездами, сын Лев с женой Миленой (отец которой, председатель Профинтерна Соломон Лозовский, жил в квартире 16 с новой женой, дочерью и родителями жены). Сестра Нины Подвойской-старшей, Ольга Августовна Дидрикиль, и ее муж, чекист Кедров, жили в квартире 409. Свердловы переехали в квартиру 310. В 1927 году Андрей Свердлов, будучи школьником, поддержал троцкистов, в 1928–1929-м стажировался в Аргентине «для изучения языков», в 1930-м встречался с Бухариным (и, если верить одному из участников встречи, сказал, что «Кобу надо кокнуть»), какое-то время учился в МГУ и Московском автотракторном институте, а в 1935-м, в возрасте двадцати четырех лет, окончил Военную академию мотомеханизированных сил РККА¹⁵.

Близкий друг Якова Свердлова и Воронского Филипп Голощекин въехал в Дом в 1933 году, после того как его сняли с поста первого секретаря компартии Казахстана и назначили Главным государственным арбитром СССР. Он жил в квартире 228 со своей второй женой, ее матерью и ее сыном от предыдущего брака.

Ученик Свердлова и Голощекина, «пекарь» Борис Иванов, въехал в квартиру 372 на пятом этаже (в 19-м подъезде). До переезда он работал председателем Крымского областного союза пищевиков. Спустя год после того, как у семьи украли одежду, он по-прежнему полагался на помощь Общества старых большевиков.

Семья Подвойских

На моем издживении находится семья из 4х человек, неработающей жены и трех детей в возрасте от 6 лет до 11 лет изних двое детей ходят в школу и отсутствие теплых вещей для детей ставит невозможным их ходьбу в школу в период зимы кроме того я и жена таже раздеты неимея зимних пальто но это средства просятя только для детей¹⁶.

В мае 1930 года Иванова назначили заместителем председателя Главного управления консервной промышленности (Союзконсерв) и перевели из Крыма в Москву. Ссылаясь на то, что «всвязи с Вредительством в данной организации происходящейсейчас чисткой аппарата» на оформление ушло несколько месяцев, а жена болеет «нервными припадками», он попросил «безвозвратное пособие в сумме 200 рублей». Жена Иванова, Елена Златкина, происходила из большой еврейской семьи портных-революционеров. Один из ее братьев, Илья Златкин, отличился на Гражданской войне и несколько лет служил начальником политотдела армий. Весной 1931 года он получил назначение в советское представительство в Урумчи, в Китае, а Ивановы въехали в трехкомнатную квартиру в Доме правительства.

При переезде на квартиру имел место ряд расходов по переезду (ломовые извозщики и прочее) и необходимость приобретения некоторых домашних вещей стол, стулья, прошу оказать денежную помощь в 150 рублей если нельзя безвозвратно то с погашением в три месяца. Настоящая моя зарплата 300 рублей на моем издживении находятся жена и трое детей в возрасте от 8 лет до 12 лет¹⁷.

Просьба Иванова была удовлетворена. После переезда он продолжал регулярно — и почти всегда успешно — обращаться за помощью в Общество старых большевиков (обычно по вопросу путевок в Крым и на Кавказ). Получив в 1931 году диагноз «неврастения», Елена ушла на пенсию, и Ивановы (Борис, сорок четыре года, Елена,

Борис Иванов

Елена Иванова (Златкина)

тридцать четыре, сыновья в возрасте одиннадцати и десяти лет и восьмилетняя дочь) решили сдать одну из своих трех комнат¹⁸.

Как у большинства жителей Дома правительства, у Ивановых, несмотря на их трудное финансовое положение, была домработница. Ее звали Нюра; во время переезда ей было шестнадцать или семнадцать лет. Однажды, гуляя во дворе с детьми, она познакомилась с Владимиром Ореховым, которому было немногим более двадцати. Вскоре они поженились, и Нюра переехала к Ореховым в квартиру 384. Владимир был сыном Василия Орехова, бывшего пастуха и прокурора, страдавшего после смерти Ленина от «травматического нервоза». К 1931 году Василий вышел на пенсию (в возрасте сорока семи лет) и получил от Общества старых большевиков «путевку на переделку 2х зубных челюстей в количестве 26 зубов а также на имеющие... 2х зубов на деть 2 коронке», но по-прежнему часто болел и проводил много времени в черноморских санаториях¹⁹.

Орехов и Ивановы были не единственными большевиками, которые с трудом восстанавливались после Гражданской войны и великого разочарования. Директор Института Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛа) Владимир Адоратский продолжал лечение водными процедурами. За несколько месяцев до переезда в Дом правительства (кв. 93) он писал жене из Гурзуфа, что «стол продолжает оставаться на высоте. Супы вегетарианские (борщ) доброкачественные, жаркие с поджаренной картошкой всегда вкусные и настолько достаточные, что Варя не съедает». (Варе, дочери Адоратского и переводчице у него в институте, было двадцать шесть лет. Она много болела и часто сопровождала отца в его поездках.) Через несколько месяцев после переезда Адоратский и Варя поехали на курорт в Кисловодск. Кислородного лечения там не предоставляли, но горный воздух был настолько хорош, что его «и без всяких приспособлений можно получать». В Москве он ходил в клинику «на горное солнце» и в «диетную столовую» за «овощами, фруктами и мясом, но не хлебом»²⁰.

Коллега Адоратского по ИМЭЛу и первая заведующая Медико-санитарной частью «группы дач» в Мисхоре Олимпиада Мицкевич вышла на пенсию спустя год по-

Арон Гайстер и Рахиль Гайстер с дочерью Инной. Предоставлено Инной Гайстер

сле переезда в Дом (кв. 140), в возрасте пятидесяти лет. Сразу после переезда она отправилась на лечение в Боржом²¹.

Бывший «христианский социалист», организатор массовых расстрелов на Дону и нарушитель режима во Втором Доме Советов Карл Ландер вышел на пенсию, «перенесши тяжелую нервную болезнь и ряд тяжелых потрясений». Став персональным пенсионером в возрасте сорока четырех лет, он переехал в Дом правительства (кв. 307) и посвятил себя «истории партии, ленинизма (теории и практики), истории революционного движения и историческим вопросам вообще»²². Другой многолетний инвалид, теоретик Военного коммунизма и ведущий экономист-аграрник Лев Крицман перестал преподавать по состоянию здоровья в 1929 году, когда ему исполнилось тридцать девять лет. В 1931-м, когда они с женой Саррой въехали в квартиру 186 в девятом подъезде, он был заместителем председателя Госплана. В 1933-м он прекратил «оперативную работу» и занялся составлением первого тома «Истории Гражданской войны» и редактированием переводов Маркса для ИМЭЛа, а в свободное время работал над большой книгой под названием «Первая мировая империалистическая война и разложение капитализма в России»²³.

Ближайший соратник Крицмана на аграрном фронте и его преемник в Госплане Арон Гайстер въехал в квартиру 167 с женой Рахилью (экономистом в Наркомтяжмаше), двумя дочерьми и домработницей Натальей Овчинниковой (третья дочь, названная в честь Куйбышева, родилась в 1936 году). Другие протеже Крицмана и члены советской делегации на Международном конгрессе плановой экономики в Амстердаме, Иван Краваль (кв. 190) и Соломон Ронин (кв. 55), въехали в Дом одновременно с Гайстерами²⁴.

Крицман «был противником всех выступавших в нашей партии оппозиций и уклонов начиная с середины 1918 г.» (как он писал в письме Сталину). Но и бывшим оппозиционерам нашлось место в Доме. Карл Радек возобновил свою деятельность пропагандиста и дипломата (навестив мать во время поездки в Польшу в 1933 году) и въехал

Воронский с матерью и дочерью

в квартиру 20 с женой, дочерью, пуделем по кличке Черт и портретом Ларисы Рейснер. Его первой книгой после переезда стал памфлет об инженерах-вредителях («лицом к лицу бороться с нами они не могли, они могли нам наносить удары, только спрятавшись в наших учреждениях и, как ползучие гады, бросаясь на нас сзади»)²⁵.

Соратника Радека по оппозиции и обвинителя на процессе Филиппа Миронова, Ивара Смилгу, восстановили в партии, назначили заместителем председателя Госплана (начальником Управления сводного планирования) и поселили в шестикомнат-

ной квартире (кв. 230) в Доме правительства, где он жил с женой, двумя дочерьми, няней, женой сосланного товарища Александра Иоселевича Ниной Делибаш и знакомой эстонкой, которой, по словам дочери Смилги Татьяны, негде было жить²⁶.

Сима Соломоновна Воронская

Другого раскаявшегося ссыльного, Александра Воронского, назначили заведующим сектором русских и иностранных классиков в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ, часть халатовского ОГИЗа). Он жил в квартире 357 с женой Симой Соломоновной и дочерью Галиной. По воспоминаниям Галины, «после своего возвращения из Липецка отец держался замкнуто, отказывался не только выступать публично по литературным вопросам, но и посещать литературные собра-

ния и заседания». После восстановления в партии он встал на учет в типографии, а не в издательстве. Его друг Голощекин посоветовал ему опубликовать разгромную рецензию на автобиографию Троцкого, но он отказался. В свободное от работы в издательстве время он работал над биографией Желябова, книгой о Гоголе и различными версиями своих воспоминаний²⁷.

Друзья Воронского по революционной юности в Тамбове, Феокиста Яковлевна Мягкова и ее дочь Татьяна, въехали в одну из первых законченных квартир (рядом с «Ударником») в 1930 году, после того как Татьяна вернулась из ссылки, а ее мужа Михаила Полоза перевели из Харькова в Москву на должность заместителя председателя бюджетной комиссии ЦИК СССР. Когда дом достроили, они переехали в более тихую и просторную квартиру в десятом подъезде (кв. 199). С ними были шестилетняя дочь Рада, домработница и сестра Татьяны Леля с сыном Волей (Владимиром). Татьяна получила работу экономиста на заводе шарикоподшипников²⁸.

Активные борцы с оппозиционерами жили по соседству. Борис Волин, который руководил нападением на демонстрантов в ноябре 1927 года («бей оппозицию»), въехал в квартиру 276 с женой Диной Давыдовной (бывшим гинекологом, а ныне редактором в Музгизе), дочерью Викторией 1920 года рождения и домработницей Катей, жившей в семье с рождения Виктории. Волин боролся с правыми так же решительно, как и с левыми. Будучи главой отдела печати наркомата иностранных дел, он написал несколько писем, обличавших замнаркома Литвинова как «одного из самых правых оппортунистов в нашей партии» («Литвинов ненавидит ОГПУ. Он иначе не высказывается о нем, как с величайшей, дикой ненавистью».) Спустя два года Литвинов (кв. 14) был назначен наркомом иностранных дел, а Волин — начальником Главлита (генеральным цензором печатных изданий)²⁹.

Другой участник нападения на левых уклонистов, бывший чекист Григорий Мороз (который велел Смилге молчать, «а то хуже будет», а на XV съезде партии заявил, что «придется заняться отсечением издевающихся над партией зарвавшихся оппо-

Григорий Мороз с матерью и сыновьями

зиционных дворян»), впал в правый уклон, раскаялся, стал членом ЦК профсоюза работников кооперации и госторговли и въехал в квартиру 39 (во втором подъезде) с женой, фармацевтом Фанни Львовной Крейндель, и тремя сыновьями, Самуилом (одиннадцать), Владимиром (девять) и Александром (три). По словам Самуила, его отец был «небольшого роста, шуплый, сутуловатый», с усиками, которые «когда-то закрывали все пространство между носом и верхней губой, затем только желобок между ртом и носом». Глаза его «вечно были прищурены — от усталости, от гнева, реже в улыбке». В его характере было «некое равновесие между разумом и волей, а отсюда полное соответствие слова делу... Беспрекословное подчинение не было ему свойственно, но когда имя ассоциировалось с идеей, была вера, вера в непогрешимость Ленина и Дзержинского, в правильность Генеральной линии, которую осуществлял Сталин»³⁰.

* * *